

Р. М. НУРЕЕВ

ПРОБЛЕМА «АЗИАТСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Актуальной проблемой политической экономии в широком смысле слова является разработка системы экономических категорий каждого способа производства. Недостаточная разработанность экономической теории докапиталистических формаций — главная причина многочисленных дискуссий по различным вопросам истории древности и средневековья. Наглядный пример этого — периодически возобновляющиеся дискуссии об «азиатском способе производства» — гипотезе, сформулированной К. Марксом и Ф. Энгельсом в начале 50-х годов прошлого столетия и получившей обоснование и развитие в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», «К критике политической экономии», «Капитале», «Анти-Дюринге» и других работах¹. Попытки творчески овладеть наследием основоположников марксизма по данной проблеме явились предметом оживленного обмена взглядами в 1925—1931 гг. и с 1964 г. по настоящее время.

Первый этап дискуссии об «азиатском способе производства»²

В начале 20-х годов в связи с кризисом колониальной системы и подъемом национально-освободительного движения остро встала проблема определения социально-экономического строя стран зарубежного Востока, уяснения его прошлого и настоящего. Поводом к дискуссии послужил вопрос о движущих силах и перспективах национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах.

Развертывание дискуссии по проблеме «азиатского способа производства» было ускорено в связи с выходом в 1929 г. книги С. М. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского.» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». С появлением этой книги дискуссии переросла и общесоциологическую дискуссию о докапиталистических формациях.

С.М. Дубровский в книге и в ряде выступлений пытался опровергнуть тезис о существовании особого, «азиатского способа производства». С этой целью он, с одной стороны, делал попытку отрицать тот факт, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин писали о данном способе производства³, а с другой, — стремясь обосновать свою, отличающуюся от общепринятой схему социально-экономического развития человечества, выдвинул 10 основных способов производства и хозяйственных укладов⁴. С. М. Дубровский считал, в частности, что феодализм и крепостничество составляют два различных способа производства⁵. Он выделил в отдельные формации хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму, социалистическое хозяйство и мировой коммунизм.

Отвергая «азиатский способ производства», С.М. Дубровский считал, что в странах древнего и средневекового Востока существовал феодализм. Такая точка зрения была широко распространена в советской литературе 20-х — начала 30-х годов. О феодализме в Китае писали, например, К. А. Харнский, Г. А. Сафаров и др.⁶ Как видно уже из названия книги С. М. Дубровского, рабовладельческий способ производства еще не попал в поле зрения этого исследователя.

Положения, выдвинутые в названной работе С. М. Дубровского и поддержавшего его Е. С. Иолка⁷, о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не признавали существование «азиатского способа, производства», вызвали возражения среди большинства ученых, занимающихся этим вопросом. Уже в 1928 — 1931 гг. исследованиями Л. Мадьяра, А. Ефимова, Т. Берина, М. Кокина, Г. Папаяна, Р. Фокса, А. Штуссера, М. С. Годеса и других было убедительно доказано, что концепция

«азиатского способа производства» составляла важную часть учения К. Маркса и Ф. Энгельса об общественно-экономических формациях.⁸ Понятие «азиатский способ производства» служило для обозначения раннеклассового общества — государственной системы сельских землевладельческих общин. Верховным собственником основных условий производства (земли и воды) являлось государство. Основными формами эксплуатации были рента-налог и трудовая повинность («общественные работы»). «Маркс и Энгельс в своих первых работах,— писал Л. Мадьяр,— приводили следующие характерные черты восточного общества:

- 1) Отсутствие частной собственности на землю;
- 2) Необходимость искусственного орошения и соответственно этому необходимость организации общественных работ в большом масштабе;
- 3) Деревенская община;
- 4) Деспотия как форма государства»⁹.

Нельзя не заметить, что признаки «азиатского способа производства» сформулированы Л. Мадьяром здесь еще слишком абстрактно. Характерные черты восточного общества раскрываются либо через отрицание (отсутствие частной собственности на землю), либо без анализа их специфических черт (деревенская община вообще). Указание на деспотию как форму государства также ничего не говорит о специфическом способе производства. Однако уже на этом этапе дискуссии многие ее участники чувствовали недостаточность указанных выше признаков для характеристики китайского общества. Л. Мадьяр предпринял попытку определить уровень развития производительных сил в странах Востока. Он, в частности, подчеркивал огромное значение ручного труда в сельском хозяйстве, сохранение на протяжении тысячелетий мотыги как основного орудия труда в выращивании риса и т. п. Несомненный интерес представляет его анализ причин ничтожной и все уменьшавшейся роли скота в хозяйстве стран Дальнего Востока и Южной Азии¹⁰. Исследователи отмечали также консервирующее влияние на экономическое развитие восточных народов таких факторов, как непосредственное соединение земледелия и ремесла внутри общины и медленный прогресс естествознания.¹¹ В ряду специфических черт «азиатского способа производства» фигурировала также организация государством амбарной системы, которая служила в качестве страхового фонда всего населения против стихийных бедствий (наводнений, неурожая и т. п.)¹². Были проанализированы паразитическая роль ростовщичества на Востоке, деспотия как форма государства и другие признаки.

В ходе дискуссии была отмечена несомненная близость «азиатского» и феодального способов производства. Однако уже тогда некоторые ученые стремились найти характерные различия между ними. В этом направлении заметных успехов достигли С. И. Ковалев и В. В. Струве выступившие на дискуссии 1931 г. в Ленинграде с интересными сообщениями. Оба исследователя разделяли в ту пору концепцию «азиатского способа производства».

С. И. Ковалев придавал большое значение различию форм собственности в условиях феодализма и азиатского способа производства. Феодальная собственность, считал он,— это прежде всего индивидуальная собственность, при которой каждый отдельный феодал эксплуатирует определенного производителя. При азиатском способе производства «мы имеем коллективную эксплуатацию группы привилегированных землевладельцев примитивного общинного коллектива. Эта группа организована в классовый аппарат и выступает не как группа отдельных землевладельцев, а как государство, как организованная в государственный аппарат группа эксплуататоров, которые эксплуатируют отдельных производителей через общину; как известный коллектив».¹³

Отстаивая концепцию «азиатского способа производства», С. И. Ковалев решительно отвергал господство феодализма в древности, прекрасно осознавая, что

признание его в дорабовладельческую эпоху означало бы отрицание закономерного развития человечества по пути социального прогресса через ряд прогрессивных формаций. «Если считать, что азиатский способ производства — феодализм,— писал С. И. Ковалев,— тогда нам придется и раннее античное общество считать феодальным, так как в основе его, по Марксу, лежали коллективная эксплуатация и коллективное владение. Таким образом феодализм окажется у нас существующим до античного способа производства и после него, и мы прямым путем попадем в объятия реакционной теории цикличности».¹⁴

В. В. Струве посвятил большую часть выступления выявлению тех принципиальных отличий, которые имелись в положении непосредственного производителя на Древнем Востоке и в феодальной Европе. «Для феодального крестьянина,— отмечал В. В. Струве,— является характерной чертой именно полная самостоятельность... Он... выстукает как организатор своего производственного труда»¹⁵. Иное на Древнем Востоке. Непосредственный производитель в Египте зависел от водоснабжения, не обладал скотом, посевное зерно получал из казны (особенно в эллинистическую эпоху), не мог самостоятельно осуществлять даже жатву. «Получалось, что крестьянин, непосредственный производитель, работал не как самостоятельный хозяин, и это напоминало положение раба»¹⁶.

Выступления С. И. Ковалева и В. В. Струве наглядно свидетельствуют и о том, как переместились в глубь веков хронологические рамки «азиатского способа производства». То обстоятельство, что в колониальных и полуколониальных странах Азии широкое развитие получила частная собственность и помещичье землевладение, способствовало тому, что к «азиатскому способу производства» стали относить не экономику колоний и полукolonий (как это было в начале дискуссии), а древние (Египет, Вавилония, Китай) и средневековые восточные монархии (Китай, Индия, Персия и т. п.). Действительно, это, видимо, ближе отвечает и гипотезе К. Маркса, сформулированной в Предисловии к «Критике политической экономии», в работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», в «Капитале» и других работах, в которых «азиатский способ производства» обычно указывается до античного и феодального¹⁷.

Таков был уровень разработки теории «азиатского способа производства» к 1931 г. Но в целом дискуссия осталась незавершенной, хотя она, несомненно, имела важное значение для развития исторической, экономической и философской науки. Именно в это время активизируется творческое изучение богатого наследия основоположников марксизма-ленинизма по проблемам докапиталистических способов производства, получает широкое распространение в советской литературе марксистское учение о прогрессивном развитии общества через несколько общественно-экономических формаций.

Однако важность общего итога этой дискуссии не должна закрывать от нас и ряд ее существенных недостатков. Прежде всего следует отметить ограниченность фактического материала, вовлеченного в обсуждение. Кроме того, противники концепции «азиатского способа производства» (Е. С. Иолк, С. М. Дубровский) отрывали понятие способа производства от отношений собственности, дискуссия велась в основном на материале китайской истории, в ее ходе выяснилось, что многие плохо знакомы с первоисточниками и т. д.

Не были лишены существенных недостатков и построения ученых, развивавших концепцию «азиатского способа производства». Нельзя, в частности, не отметить имевшуюся в ряде работ некоторую гиперболизацию роли орошения в процессе становления восточного государства, тенденции к географическому материализму. Правда, авторы все чаще приходили к пониманию ограниченности термина «азиатский». М. С. Годес отмечал, что «термин «восточное» у К. Маркса в таких случаях применяется не как географический, а как социально-исторический»¹⁸.

В качестве признаков особой, «азиатской формации» фигурировали государственная собственность на землю, специфические формы эксплуатации (рента-налог и общественные работы), некоторые особенности социальной структуры восточного общества (наличие общины, отсутствие класса крупных частных земельных собственников, слияние класса эксплуататоров с бюрократическим и военным аппаратом и т. д.), а также форма государства (деспотия). Конечно, далеко не все эти признаки могут быть отнесены к главным признакам формации, к способообразующим признакам. Среди них нет таких важнейших, как уровень развития производительных сил, система производственных отношений. Проблема основного производственного отношения и выражающего его основного экономического закона почти не попала в поле зрения участников дискуссии. Не уделяли они достаточного внимания и характеристике процесса производства необходимого и прибавочного продукта и т. д. Даже перечисленные выше черты «азиатского способа производства», приводившиеся обычно участниками дискуссии, были сформулированы в такой общей форме, что в них еще не были видны их специфические черты. А без выявления специфических («азиатских») черт этих признаков (общины, государственной земельной собственности, ренты-налога и т. п.) они не показывают нам особого способа соединения непосредственных производителей со средствами производства, особого способа производства, а скорее характеризуют то общее, что было в той или иной мере присуще всем докапиталистическим антагонистическим формациям.

В 1933 г. В. В. Струве, который еще недавно был сторонником концепции о феодальном характере древневосточных обществ (1930 г.), а позднее поддерживал теорию «азиатского способа производства» (1931 г.), выдвинул концепцию развитого рабовладельческого общества в древних монархиях Египта и Шумера¹⁹.

С критикой тезиса В. В. Струве о рабовладельческом характере древневосточных обществ выступили Н. М. Никольский, А. И. Тюменев, И. М. Дьяконов и другие ученые²⁰, которые наглядно показали ограниченность применения рабского труда в материальном производстве этих государств и особенно в ведущей его сфере — в сельском хозяйстве. Это способствовало признанию факта, что экономическую основу древневосточных государств составляла не столько эксплуатация рабов, сколько эксплуатация формально свободного крестьянства. С конца 40-х — начала 50-х годов данный вывод стал общепризнанным и постепенно получил распространение в обобщающих трудах востоковедов и в учебной литературе²¹.

Действительно, расширение наших знаний о Древнем Востоке, доколумбовой Америке и доколониальной Африке, возросший интерес к этому периоду освободившихся стран не могли не способствовать возрождению попыток более правильного объяснения прошлого относительно отставших регионов. Анализ их развития с точки зрения исторического материализма стал тем более необходимым, потому что в последние десятилетия появились новые антимарксистские теории буржуазных исследователей, включая и тех, которые спекулируют на теории «азиатского способа производства». Таким образом, необходимость воспрепятствовать извращению марксистской теории «азиатского способа производства», преодолеть схематизм в изучении обществ древности, стремление обобщить накопленный фактический материал о Древнем Востоке, доколониальной Африке и доколумбовой Америке — все это способствовало возобновлению дискуссии об «азиатском способе производства».

Второй этап дискуссии об «азиатском способе производства»: разные пути решения одной проблемы²²

Выступление в печати в 1964 г. Е. С. Варги, опубликование тезисов М. Годелье, Ж. Сюрэ-Канала и В. В. Струве²³ вызвало дискуссию и среди советских востоковедов²⁴,

основой которой служит противоречие между старым представлением о предмете, выработанным философами, политико-экономами и историками еще в середине 30-х годов, и новыми данными развития исторической науки. В связи с этим старое представление, акцентирующее внимание на изучение лишь рабовладельческого уклада хозяйства в древневосточных, так называемых раннерабовладельческих, государствах, оказалось не только неполным, т. е. не отражающим всего многообразия производственных отношений рассматриваемой эпохи, не только односторонним и, следовательно, *абстрактным*, но и мешающим дальнейшим исследованиям, т. е. достижению *конкретного* знания о предмете.

Более тщательное изучение работ основоположников марксизма-ленинизма, особенно их рукописного наследия, привело к тому, что почти все исследователи-марксисты (как советские: Е. С. Варга, Н. Б. Тер-Акопян, Л. В. Данилова, Л. С. Васильев, И. А. Стручевский, Ю. М. Гарушянц, Л. С. Гамаюнов, В. Г. Попов, В. Н. Никифоров, Д. Н. Платонов, так и зарубежные: М. Годелье, Ж. Сюре-Каналь, Ж. Шено, Э. Вельскопф, Ф. Текеи и др.) разделяют ныне вывод о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс в 50—70-е годы XIX в. признавали «азиатский способ производства» как закономерную ступень в естественноисторическом развитии человечества. Признано также, что «азиатский способ производства» не был предметом специального изучения В. И. Лениным, однако он не отрицал его, когда цитировал К. Маркса²⁵. Спор ныне идет о том, произошел ли отказ от концепции «азиатского способа производства» в последние годы жизни К. Маркса и Ф. Энгельса или нет. Несомненно, этот вопрос требует специальных исследований.

Если на первом этапе дискуссии ученые, обосновывая существование «азиатского способа производства», стремились апеллировать к отношениям собственности, то в настоящее время центр тяжести переместился на отношения эксплуатации. И это не случайно. Досистемное движение науки, как правило, идет от конкретного к абстрактному. Действительно, государственная форма собственности, к которой апеллировали участники дискуссии 20—30-х годов, является не только необходимой предпосылкой становления формации, но в ставшей, развитой системе производственных отношений и результатом процесса воспроизводства, т. е. не первичным отношением, а вторичным, производным. Движение вперед, вглубь в изучении основных признаков «азиатского строя» состоит поэтому в том, что теория в данном случае развивается от анализа общих условий и результата производства (характеристики собственности, форм прибавочного продукта) к исследованию процесса производства (специфике отношений эксплуатации).

Сложность определения формы эксплуатации в Древнем Египте, Шумере, Индии, Китае, доколониальной Тропической Африке давно уже вызвала дискуссию среди востоковедов и африканистов. Здесь наметилось несколько направлений, среди которых с известной долей условности можно выделить три основных. К первому направлению можно отнести тех востоковедов, которые определяют древневосточные государства как рабовладельческие, ко второму — таких исследователей, которые квалифицируют их в качестве феодальных, и к третьему — ученых, которые характеризуют указанные выше государства как общества «азиатского способа производства».

Ряд советских востоковедов (И. М. Дьяконов, Г. Ф. Ильин, М. А. Коростовцев и др.) развивают выдвинутую В. В. Струве концепцию о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Полемизируя со сторонниками концепции «азиатского способа производства», они отрицают возможность применения к древневосточным странам сформулированного К. Марксом²⁶ тезиса о существовании в Азии верховной собственности государства на землю, о совпадении государственной собственности на землю и государственного суверенитета, о рентном характере взимаемых с населения налогов²⁷. Они считают, что эксплуатация общинников государством — это

обыкновенный налог на трудящихся; присущий любому антагонистическому обществу²⁸. Ученые, придерживающиеся этого направления, акцентируют внимание при изучении древневосточных обществ на анализе рабства, пытаясь охарактеризовать различные формы эксплуатации (напр., кармакары в Индии) в качестве полурабовладельческих, сблизить положение древних работников государственного (храмового) хозяйства с положением некоторых категорий зависимого населения античного мира (напр., спартанских илотов)²⁹.

Подробный критический разбор указанных выше аргументов представлен автором данной статьи в специальной работе³⁰. Укажем здесь лишь две черты, характерные для взглядов представителей этого направления и тесно связанные с общим ходом современного этапа дискуссии. Во-первых, следует отметить, что, на наш взгляд, в полемике с другими учеными они (как в свое время и многие участники дискуссии 20 — 30-х годов) нередко главными чертами «азиатского способа производства» считают его второстепенные (локальные) черты (искусственное орошение, строительство ирригационных сооружений, деспотический характер государства и т. п.)³¹. К тому же многие существенные признаки характеризуются в общей форме (напр., существование государственной собственности на землю, наличие общины вообще и т. п.), забывается о том, что лишь указание на их специфические черты может свидетельствовать об особом способе производства. Во-вторых, стремление максимально расширить черты рабовладельческой формы эксплуатации за счет включения в нее полуфеодальных форм зависимости (спартанская илотия и т. п.) или форм примитивного наемного труда (кармакары) объективно приводит к стиранию различий между рабовладельческой и феодальной формами эксплуатации. Таким образом, создаются предпосылки для развития второго направления, для признания феодализма в качестве единственной докапиталистической антагонистической формации.

Действительно, в ходе дискуссии некоторые исследователи (Ю. М. Кобищанов, Е. М. Медведев и др.) заметили, что очень многие категории зависимого населения эксплуатируются феодальными или полуфеодальными методами³². Они квалифицировали ренту-налог, уплачиваемую свободными общинниками, и выполняемые ими «общественные работы» (строительство ирригационных и оборонительных сооружений, храмов, дворцов, крепостей) в качестве продуктовой и оборотной ренты соответственно.

К этой группе авторов близка и концепция В. П. Илюшечкина, пытающегося доказать, что в докапиталистическую эпоху существовала единая антагонистическая формация, для которой был характерен рентный способ эксплуатации. Основные формы эксплуатации в докапиталистических способах производства выделяются В. П. Илюшечкиным не на базе бытующего в советской литературе юридического подхода («полная»—«неполная» собственность на работника), а на основе политико-экономического признака (по характеру и способу соединения непосредственных производителей со средствами производства). На основе этого критерия В. П. Илюшечкин различает пять основных форм: рабство, крепостничество, оброчное невольничество, докапиталистическую аренду и докапиталистический наемный труд³³. Попытка В. П. Илюшечкина осуществить политико-экономический анализ, конечно, заслуживает поддержки, однако подход к определению формы эксплуатации лишь с позиции одного хотя и важнейшего, но все же, по существу, единственного признака (способа и характера соединения непосредственного производителя со средствами производства), конечно, является односторонним. К тому же автор, на наш взгляд, не учитывает в полной мере асинхронности развития отдельных стран и континентов в докапиталистическую эпоху, объединяя в одну группу одновременно существующие, но принадлежащие к разным ступеням развития (и даже разным способам производства) государства. Неудивительно поэтому, что В. П. Илюшечкин истолковал

факт широкого распространения ренты-налога, домашнего рабства и аренды на Древнем и Средневековом Востоке, в Тропической Африке и доколумбовой Америке не как свидетельство господства «азиатского способа производства» в соответствующих регионах, а как основу для отрицания закономерной смены докапиталистических формаций.

Наконец, ряд современных ученых-марксистов считают, что на Древнем Востоке и в доколониальной Африке существовал «азиатский способ производства»³⁴. Однако само понятие «азиатского способа производства» трактуется неоднозначно. Некоторые исследователи (И. Л. Андреев, Ю. М. Гарушянц, Д. К. Кшибеков, В. Я. Израитель и др.) считают, что «азиатский способ производства» существовал в обществе переходного периода от доклассового к классовому. Они выдвигают признаки переходности (противоречивое соединение элементов первобытности и антагонистического общества, длительное сосуществование разных укладов и т. п.). Трактовка «азиатского способа производства» как переходного периода объясняется тем, что, с одной стороны, в древневосточном обществе сохраняются родимые пятна первобытнообщинного строя, существует община, в которой большую роль играет коллективный труд, слабо развито товарное производство, классовый антагонизм маскируется формой ренты-налога и «общественных работ», распространявшихся на всех членов общества, и т. п.; с другой стороны, восточное общество, несмотря на всю патриархальность отношений, утратило то главное, что отличает первобытнообщинный строй от всех антагонистических обществ: отсутствие эксплуатации, классов и государства. Это характеризует двойственность «азиатского способа производства», трудность его отнесения к первобытному или развитому классовому обществу.

Другие ученые (Ю. И. Семенов, Л. С. Васильев, И. А. Стучевский, Г. А. Меликишвили, Г. В. Коранашвили и др.) рассматривают «азиатский способ производства» как смешанное феодально-рабовладельческое («профеодально-кабальное») общество. Они, показывая ограниченный характер распространения рабства на Древнем Востоке, концентрируют внимание на доказательстве ведущей, определяющей роли государственной собственности и эксплуатации государством формально свободного крестьянства посредством ренты-налога и других полуфеодальных методов³⁵.

Дискуссия об «азиатском способе производства» еще далека от завершения. Однако уже сейчас можно отметить ее плодотворный характер, так как благодаря дискуссии активизировалась работа по теоретическому обобщению и творческому осмыслению накопленного огромного фактического материала по истории азиатских, африканских, американских, да и самих европейских обществ. В центре внимания исследователей оказались слабо изученные стороны докапиталистических формаций: причины устойчивости мелкого производства, вопросы развития аренды, рентных отношений, этапы эволюции данничества, экономическая роль государства в раннеклассовом обществе, формы его участия в процессе производства, нерабовладельческие формы эксплуатации и т. п., представляющие несомненный интерес для политической экономии.

¹ Подробнее о развитии взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на «азиатский способ производства» см.: Тер-Акопян Н.Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину.--«Народы Азии и Африки», 1965, № 2, 3; Платонов Д.Н. Проблемы азиатского способа производства в работах К. Маркса и Ф. Энгельса.— «Экономические науки», 1978, № 1; и др.

² Подробнее о ходе первого этапа дискуссии см.: Варга Е.С. Об азиатском способе производства. — В кн.: Варга Е.С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964; Данилова Л.В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. — «Исторические записки», т. 76. М., 1965;

Никифоров В.Н. Дискуссия советских историков об общественно-экономическом строе Китая (1925 – 1931). – «Народы Азии и Африки», 1965, № 5; Он же. Восток и всемирная история. М., 1975, с. 171 – 177.

³ О неправомоности этого отрицания свидетельствует ряд высказываний классиков марксизма-ленинизма. См., напр.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7; т. 23, с. 89; т. 46, ч. I, с. 462—464 и др.; Ленин В.И. Полн. собр. соч. т.1, с. 136; т. 26, с. 57 и др.

⁴ См.: Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929, с. 17—19.

⁵ Там же, с. 72—104.

⁶ См.: Харнский К.А. Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск — Владивосток, 1927; Сафаров Г.А. Очерки по истории Китая. М., 1933.

⁷ См.: Иолк Е. К вопросу об «азиатском» способе производства.— «Под знаменем марксизма», 1931, № 3.

⁸ См.: Мадьяр Л. Экономика сельского хозяйства в Китае. М.—Л., 1928; Он же. Предисловие к книге: Кокин М., Папаян Г. Цзинь-Тянь. Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930; Ефимов А. Концепция экономических формаций у Маркса и Энгельса и их взгляды на структуру восточных обществ. — В кн.: Историк-марксист, т. XVI. М., 1930; Берин Т. Феодализм или азиатский способ производства? Об азиатском способе производства. Тифлис, 1930; Кокин М., Папаян Г. Указ. соч., гл. 1; Фокс Р. Взгляды Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и их источники. — В кн.: «Летописи марксизма», III (XIII). М. - Л., 1930; Штуссер А. Маркс и Энгельс об Индии. М., 1930; Годес М. Итоги дискуссии об азиатском способе производства. — В кн.: Дискуссия об азиатском способе производства. Л., 1931.

⁹ Кокин М. и Папаян Г. Указ. соч., с XLVIII – XLIX (Предисловие Л. Мадьяра).

¹⁰ См.: Мадьяр Л. Экономика сельского хозяйства в Китае, с. 80—100.

¹¹ См., напр.: Спорные вопросы методологии истории. Харьков, 1930, с. 216; Варга Е. Экономические проблемы революции в Китае.— «Плановое хозяйство», 1925, № 12, с. 176.

¹² Мадьяр Л. Указ. соч., с. 14.

¹³ Дискуссия об азиатском способе производства, с. 80.

¹⁴ Там же, с. 79—80.

¹⁵ Там же, с. 94.

¹⁶ Там же, с. 98.

¹⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7; т. 23, с. 89; т. 46, ч.1, с. 461 – 508.

¹⁸ Дискуссия об азиатском способе производства, с. 22.

¹⁹ См.: Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока.—«Известия Государственной академии истории материальной культуры», вып. 77. М.—Л., 1934, с. 32—111.

²⁰ Укажем лишь на важнейшие монографии этих авторов: Никольский П. М. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Минск,. 1948; Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1950; Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

²¹ К изучению истории крестьянства и древности. — «Вестник древней истории», 1947, № 1, с. 4; Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1953, с. 192 и др.; Всемирная история в 10-ти томах, т. 1. М., 1955, с. 196, 272, 274, 543 и др.; Экономическая история капиталистических стран. Под ред. Ю. К. Авдакова и Ф. Я. Полянского. М., 1963, с. 15, 29, 37 и др.

²² Во втором разделе работы ввиду ограниченных размеров статьи мы не затрагиваем ту часть второго этапа дискуссии об «азиатском способе производства», которая была связана с определением социально-экономической природы средневековых государств

Востока, в частности арабских стран, Индии, Китая, государств Юго-Восточной Азии.

²³ «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, с. 100—109.

²⁴ Более подробно о начале 2-го этапа дискуссии об «азиатском способе производства» в исторической литературе см.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история (введение).

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136; т. 26, с. 57; Ленин В. И. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1959, с. 260 — 263; и др.

²⁶ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

²⁷ См.: Дьяконов И. М. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — «Вестник древней истории», 1967, № 4; Он же. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — «Вестник древней истории», 1968. № 3, 4; Ильин Г. Ф. Классовый характер древнеиндийского общества. — В кн.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; Коростовцев М. А. О понятии «древний Восток». — «Вестник древней истории», 1970, № 1; и др.

²⁸ См.; Дьяконов И. М. Основные черты древнего общества. (Реферат на материале Западной Азии). — В кн.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока, с. 138; Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969, с. 369.

²⁹ " См.: Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности — «Вестник древней истории», 1973; № 4; Ильин Г. Ф. Рабство и древний Восток. - «Народы Азии и Африки», 1973, № 4; Коростовцев М. А. Опыт применения системного анализа в исследовании раннеклассовых обществ. — «Народы Азии и Африки», 1973, № 6; и др.

³⁰ Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства. М., 1979, гл. 1, с. 6 — 32.

³¹ См., напр.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока, с. 154-158.

³² См.: Ко б и щ а н о в Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Он же. «Полюдь» в Тропической Африке.— «Народы Азии и Африки», 1972, № 4; Он же. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития.— В кн.: Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974; Медведев Е.М. К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии - «Народы Азии и Африки», 1966, № 6; Он же. Генезис феодальной формации в Индии — В кн.: Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973; Он же. Изучение советскими историками проблемы формирования традиционного общества в Индии. — В кн.: Современная историография стран зарубежного Востока М., 1975; и др.

³³ См.: Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970; Он же. Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. М., 1971; Он же. Аренда в системе частнособственнической эксплуатации, древнего и средневекового Китая.— В кн.: Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974; Он же. О господствующих способах эксплуатации в древнем и средневековом Китае.— В кн.: Китай: государство и общество. М., 1977; и др.

³⁴ Указание на литературу и более подробную характеристику этого направления см.: Нуреев Р. М. Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства. — В кн.: Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма. М., 1976, с. 205-233.

³⁵ См., напр.: Меликишвили Г. А. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ. — «Вестник древней истории», 1975, № 2.